

ГЕНЕРАЛЪ И АДМИРАЛЪ

ФРАНЦЪ ЯКОВЛЕВИЧЪ ЛЕФОРТЪ.

ЕГО ЖИЗНЬ И ЕГО ВРЕМЯ.

VIII.

Общій взглядъ на жизнь Лефорта до сближенія съ нимъ Петра.— Сужденія о немъ современника.— Отзывъ Карамзина и Устрялова.— Выводы о значеніи Лефорта.

Если принять 1691 годъ за тотъ періодъ, въ который совершился рѣдкій переворотъ въ судьбѣ Лефорта, то въ это время Францъ Яковлевичъ находился въ лучшей порѣ дѣятельности. Тридцатипятилѣтній молодой человекъ, онъ пользовался полнымъ здоровьемъ; былъ строенъ, высокаго роста, почти такъ же высокъ, какъ Петръ—по словамъ современнаго сказанія—только крѣпче его; подъ открытымъ челомъ свѣтились большіе, выравительные глаза; правильныя, красивыя черты лица вмѣли въ себѣ нѣчто привлекательное. Держалъ себя Лефортъ съ тою непринужденностію и съ тою самоувѣренностію, которыя приобрѣтаются привычкою обращенія въ избранномъ обществѣ и высокимъ соціальнымъ положеніемъ. Упругость и сила членовъ его тѣла проявлялись столько же въ перенесеніи тяжелыхъ трудовъ, сколько и въ занятіяхъ такъ называемыми рыцарскими играми. Онъ превосходно владѣлъ оружіемъ, умѣлъ съ особенною ловкостію усмирять стѣнныхъ лошадей, любилъ охоту тѣмъ страст-

нѣе, что былъ отличнѣйшимъ стрѣльцомъ, а искусствомъ въ танцахъ привлекалъ къ себѣ общее вниманіе (*).

Соображая все жизненное поприще, доселѣ пройденное Лефортомъ, видимъ, съ одной стороны, образъ юношеской фантазіи, съ другой отважную борьбу съ судьбою; но во всѣхъ проявленіяхъ его преобладаетъ, безспорно, самодѣятельность духа, присущая особенно-даровитымъ натурамъ. Торговля и промышленныя дѣла въ родномъ городѣ доставили ему запасъ такихъ знаній и такой опытности, которыя пришлось впоследствии очень кстати, хотя этого рода дѣла были Лефорту рѣшительно не по душѣ: онъ всецѣло предался неодолимой страсти къ военной службѣ. Всѣ помыслы его стремились къ чести и славѣ на боевомъ полѣ; но, прибывъ въ Россію, онъ неожиданно увидѣлъ себя лицомъ къ лицу съ суровыми нештатными. Обманутый и покинутый, съ перваго же шага на русскую землю, онъ—юноша, неимѣвшій и двадцати лѣтъъ отъ роду—очутился на далекой чужбинѣ между людьми невѣдомыми, въ положеніи, которое, по справедливости, можно было назвать бѣдственнымъ. Юношескія мечты, не давашія ему покоя въ родительскомъ домѣ, правда не испарились, но теперь онѣ превратились въ правило жизни: *il faut être sage par force*. Лефортъ вооружился всѣмъ, чѣмъ надѣляла его природа и что онъ, несмотря на свою молодость, уже успѣлъ приобрести опытомъ; онъ вооружился всею силою своего духа, чтобы выдержать трудное время искуса. *И въ Архангельскѣ, и въ Москвѣ

(*) Къ книгѣ доктора Посельца приложенъ отпечатанный красками портретъ Лефорта: это копія съ картины масляными красками, почти въ натуральную величину, хранящейся въ родѣ женеvскихъ Лефортъ. Лефортъ представленъ въ одеждѣ посланника, какъ онъ былъ въ Голландіи, въ 1697 году. На заднемъ планѣ символическія изображенія его двойной дѣятельности, какъ генерала и адмирала: на одной сторонѣ крѣпость, на другой шлюхъ. Портретъ былъ писанъ въ Амстердамѣ, и сходство его удостоверяется современными сказаніями.

Тамъ же, въ Амстердамѣ, былъ написанъ другой портретъ Лефорта, гравюра съ котораго поступила въ продажу, неоднократно была перепечатаваема и прилагается къ иностраннымъ книгамъ о Лефортѣ. Этотъ портретъ грудной; на немъ Лефортъ изображенъ въ кирасирскомъ мундирѣ, но здѣсь лицо его не вполне сходно съ портретомъ масляными красками. Есть еще бюстъ Лефорта, изъ бѣлаго мрамора, представляющій его въ огромномъ парикѣ, безъ головного убора и также въ латахъ. Бюстъ принадлежалъ графу Разумовскому, по кончинѣ котораго (1838), при продажѣ въ Москвѣ его драгоценнаго наслѣдства, былъ купленъ (1840) прежнимъ синдикомъ города Желевы, Дювалемъ (швейцарскимъ консуломъ въ Петербургѣ), и подаренъ имъ совѣту женеvской республики. Въ „Отчетѣ“ (Compte rendu) этого совѣта за 1841 годъ значится: „Le Conseil d'Etat a fait déposer à la bibliothèque un buste en marbre de l'Amiral Lefort, dont M^r l'ancien Syndic Duval lui avait fait hommage“. („Государственный совѣтъ приказалъ помѣстить въ библіотекѣ мраморный бюстъ адмирала Лефорта, принесенный въ даръ бывшимъ синдикомъ Дювалемъ“).

онъ могъ опереться единственно на силу своей симпатичной натуры и своей образованности, приобрѣлъ этими качествами знакомыхъ и друзей, и хотя уже не могъ себя считать одинокимъ въ «варварской» Москвитинѣ, но тѣмъ недовольнѣе были имъ его мать, братья, сестры и вся почти родня: они, очевидно, не хотѣли ничего знать о Францѣ. Эта мысль была для него мучительнѣе самой неизвѣстности роковаго вопроса: что ему предпринять и что его ожидаетъ? Изъ Женевы приехали ему настоятельныя требованія возвратиться домой, и еще болѣе строгія приказанія не жениться въ Россіи. Онъ хотѣлъ исполнить и то, и другое; но невозможность осуществить первое обуславливала нарушение втораго. Основывая самостоятельный домашній очагъ, Лефортъ чувствовалъ себя достаточно сильнымъ для того, чтобы предолѣть все, и въ новомъ своемъ отечествѣ продолжить себѣ такой жизненный путь, который могъ бы примирить его съ любимой матерью. Всѣ эти чувства, высказанныя правдиво и опредѣлительно, замѣчательны: они разоблачаютъ душу молодого женева, всегда чистую, открытую, благородную.

Если человѣкъ съ подобнымъ характеромъ и съ подобными качествами производить впечатлѣніе во всякомъ образованномъ обществѣ, то едва ли нужно пояснять, какой приѣмъ сдѣлали Лефарту лучшіе жители Нѣмецкой Слободы. Лица, прежде всего съ нимъ сблизившіяся, свидѣтельствуютъ, что они полюбили молодого женева не за веселость нрава, не за свѣтскость и любезность обращенія, не потому, что, умѣя быть веселымъ съ веселыми, желаннымъ гостемъ во всякой веселой компаніи, онъ проявлялъ всю полноту своего ума при обсужденіи серьезныхъ вопросовъ и въ поучительныхъ бесѣдахъ со старшими себя. Обладая даромъ слова, онъ отличался этимъ даромъ тѣмъ болѣе, что могъ объясняться на многихъ европейскихъ языкахъ: кромѣ французскаго, итальянскаго, англійскаго и голландскаго, Лефортъ скоро усвоилъ себѣ языки нѣмецкій и русскій.

Больше двухъ лѣтъ прожилъ Лефортъ въ Слободѣ, то намѣреваясь уѣхать изъ Россіи, то преслѣдуя разные планы, пока поступилъ въ русскую военную службу и началъ свое военное поприще трудными и опасными походами противъ татарскихъ ордъ. Заслуживъ благорасположеніе князя В. В. Голицына, онъ получалъ возможность побывать на родинѣ послѣ почти восьмилѣтняго отсутствія. Почетный приѣмъ, оказанный ему здѣсь кровными родными, друзьями, знакомыми и даже посторонними лицами, свидѣтельствуетъ, что его перестали считать погибшимъ искателемъ приключеній и такъ

были увѣрены въ его достоинствахъ, что совѣтовали поступить на службу какого-либо западнаго государства. Известно, что Лефорть рѣшительно отклонилъ это предложеніе и, возвращаясь въ Россію, выразилъ своимъ роднымъ твердую надежду, «что если Богъ даруетъ ему здоровье и продлитъ жизнь, то свѣтъ заговорить о немъ и онъ достигнетъ почетнаго положенія».

Эту надежду, напоминающую юношескіе идеалы Лефорта, основывалъ онъ на царѣ Θεодорѣ Алексѣевичѣ, котораго, однако, уже не засталъ въ живыхъ. Между тѣмъ, возвысившійся князь В. В. Голицынъ скоро замѣтилъ и отличилъ молодаго даровитаго капитана и быстро двинулъ его по службѣ, что тогда было чрезвычайно трудно, ибо подчиненный офицеръ не могъ, ни въ стратегическомъ, ни въ тактическомъ отношеніи, обнаружить свои достоинства.

Жизнь Лефорта, по возвращеніи въ Москву изъ Женевы, сложилась наружно такъ, что кругъ его знакомства расширялся все болѣе и болѣе. У него былъ, какъ уже замѣчено, свой домъ на правомъ берегу Лузы, отъ которой отдѣлялся садомъ, домъ не только обширный, но прекрасно устроенный и убранный въ тогдашнемъ западно-европейскомъ, т. е. французскомъ вкусѣ. И по воспоминаніямъ объ образѣ жизни въ Женевѣ, и по врожденной склонности, Лефорть любилъ обставлять себя комфортомъ, блескомъ, даже роскошью, и неудивительно, что, при любезности, радушіи и утонченной вѣжливости хозяина, домъ его былъ желаннымъ пріютомъ многочисленныхъ гостей. Иностранные посланники и министры-резиденты образовывали, по преимуществу, тотъ кружокъ, въ которомъ вращался Лефорть, какъ личность уважаемая, почтенная и всѣми любимая.

Къ замѣчательнѣйшимъ чертамъ характера Лефорта надобно отнести отсутствіе въ немъ мелочнаго, своекорыстнаго партикуляризма, такъ что даже въ области религій, глубоко вкорененной въ его душѣ, онъ возвышался надъ конфесіональными формами и преніями, столько обыкновенными въ его время. Въ этомъ отношеніи, положеніе его было весьма затруднительное. Въ ту пору религиозныхъ смуть, интригъ и вражды между яновѣрцами, нелегко было ужиться въ согласіи и дружбѣ съ іезуитски-воспитанными родными: жена и теща Лефорта, равно и кузень его, генералъ Гордонъ, были ревностные приверженцы римско-католической церкви и принимали живѣйшее участіе во всѣхъ ея стремленіяхъ. Они, да едва-ли и не вся родня, не могли не стараться достигнуть, по отношенію къ Лефорту, той же цѣли, какой достигъ Гордонъ относительно своего вятя—пе-

рекода въ католицизмъ; Лефорть, безъ споровъ и вражды, умѣлъ уклониться отъ этикъ замисловъ и остался непоколебимо-вѣрнымъ своимъ религіознымъ убѣжденіямъ. То же было и въ дѣлахъ политики, тогда, какъ и въ наше время, солидарной съ планами римской курии. Католики въ Нѣмецкой Слободѣ образовывали такую партію, что, повидимому, други и недруги должны были бы жить въ полномъ раздѣленіи. Лефорть обошелъ и этотъ камень преткновенія, несмотря на то, что открыто отстаивалъ свои либеральныя воззрѣнія на государство: родившись республиканцемъ, воспитанный въ республиканскомъ духѣ, онъ никогда не оторвался отъ своего происхожденія; ему удалось, напротивъ, поставить себя на универсальную точку, истинная сущность которой состоитъ въ томъ, чтобы не стѣнять духа рѣзко-очерченными, односторонними формами и понятіями, или національными учрежденіями и правилами, не предписывать духу законовъ развитія. Возвышаясь надъ частностями народной жизни, Лефорть старался выбирать такіе пути, которые вели бы къ пониманію общечеловѣческой задачи, и, оставаясь вѣрнымъ своему правдивому характеру, мужественно и честно выносилъ всякую пережѣну судьбы. На высшей степени земнаго величія, онъ, какъ человѣкъ, всегда былъ одинаковъ: его сокровеннѣйшая натура только очищалась, но не измѣнялась. До послѣднихъ дней жизни, онъ сохранилъ чистѣйшую, пламенную любовь къ своимъ родителямъ, братьямъ и сестрамъ, и, помня огорченія, причиненныя имъ въ юности матери, помышлялъ единственно о томъ, чтобы приготовить ей радость и утѣшеніе. Старшему брату, какъ представителю отца, онъ неизмѣнно оказывалъ сыновнюю почтительность. Такія же благородныя мысли и чувства проявлялъ Лефорть и въ отношенія всѣхъ своихъ друзей и знакомыхъ, не взирая на то, что нѣкоторые изъ нихъ завидовали его возвышенію и интриговали противъ него.

Можно сказать утвердительно, что между иноземцами Нѣмецкой Слободы не было ни одного, который болѣе Лефорта отвѣчалъ бы духу и характеру Петра. Генераль Гордонъ имѣлъ, на своей сторонѣ, большія заслуги, обладалъ большими знаніями, большею опытностію не только въ томъ, что касалось военнаго дѣла, но вообще относительно жизни людей и народовъ; онъ живо, безкорыстно интересовался юнымъ царемъ и служилъ ему вѣрно. Все это справедливо. Но въ 1691 году, когда дѣятельность его вѣнчаннаго ученика принимала на учебномъ плацу все большіе и большіе размѣры, генераль Гордонъ, имѣя отъ роду пятьдесятъ пять лѣтъ, часто хворалъ отъ послѣдствій перенесенныхъ имъ военныхъ трудовъ, и уже не

обладалъ такою физическою силою, чтобы поспѣвать за неутомившимъ молодымъ царемъ на всѣхъ путяхъ его разнообразныхъ работъ. При томъ и исключительныя, религіозныя и политическія, воззрѣнія Гордона не могли ни удовлетворить либеральному развитію Петра, ни знакомить его съ важнѣйшими современными вопросами, ни просвѣтлять его стремленій въ будущемъ. Опытный и храбрый воинъ, Гордонъ былъ слишкомъ ревностнымъ поборникомъ папизма и абсолютизма, чтобы давать пищу уму, парившему далеко за предѣлами узкихъ идей. Ограниченный, въ этомъ отношеніи, кругозоръ Гордона исключалъ задумчивость, сердечную дружбу, въ которыхъ Петръ чувствовалъ потребность. Юный царь уважалъ и цѣнилъ заслуги почтеннаго генерала, но не находилъ въ немъ той симпатичной природы, которая была присуща его молодому сопернику, и которая, въ соединеніи съ другими качествами, сдѣлала Лефорта участникомъ въ великихъ предначертаніяхъ преобразователя Россіи.

Для характеристики Лефорта здѣсь будетъ уместно привести отзывъ о немъ современника, тѣмъ болѣе достойный вниманія, что онъ указываетъ и на слабыя стороны любимца Петра. Этотъ отзывъ принадлежитъ курляндцу Бломбергу, автору описанія Лифляндіи (*). Упомянувъ о томъ, что ему приходится говорить о «новомъ появившемся съ Сѣвера феноменѣ» и о великомъ русскомъ посольствѣ, авторъ продолжаетъ: «Въ главѣ этого посольства находится господинъ Лефортъ, женевецъ, которому суждено было сдѣлать въ Московіи свое счастье. Онъ стоитъ на высотѣ, на которую поднялся, такъ вѣрнѣе, что государь вполне предоставилъ ему управленіе всѣми дѣлами, и даже отдалъ въ его распоряженіе свою собственную особу (the disposal of his own person), и притомъ въ такой мѣрѣ, что согласился быть торжественно представленнымъ своимъ любимцемъ ко многимъ европейскимъ дворамъ. Сколько доказательствъ вѣрности, твердости характера, мужества и ума долженъ былъ представить этотъ человѣкъ, прежде чѣмъ возвысился на такую степень славы у націи варварской и подозрительной? Я нахожу, что этотъ счастливый министръ одаренъ высокимъ умомъ, наружностію весьма красивъ, умомъ остеръ и привлекателенъ въ разговорѣ. Онъ истый швейцарецъ по честности и храбрости, особенно же въ дѣлѣ пировъ; однако попойки никогда не брали надъ нимъ перевѣса, и онъ всегда оставался господиномъ своего

(*) „Account of Livonia etc. Французскій переводъ этой книги появился въ 1705 году, въ Утрехтѣ, подъ заглавіемъ: „Description de la Livonie, avec une relation de l'origine, du progrès et de la décadence de l'ordre Teutonique etc.

разума (yet it (drinking) never overcomes him, but he always conquers Master of his Reason). Онъ такъ дѣлалъ отъ мысли о своихъ выгодахъ, что, по личному его мнѣ приженію, не имѣеть никакой собственности, и все, что могъ бы назвать своимъ, принадлежать царю, которому во всякое время готовъ отдать и свой кошелекъ, и свою жизнь. Онъ старается одѣлать своего государя воспріимчивымъ къ славѣ и вступать ему смѣлымъ, высокимъ и предпріимчивымъ мысли».

Хотя Блюмбергъ и заявляетъ далѣе, что члены посольства, слѣдовательно и Лефортъ, пили исправно, и хотя это подтверждается и другими современными сказаніями, однако въ такомъ фактѣ не заключается ни повода, тѣмъ менѣе права, признавать Лефорта отъявленнымъ гулякой, человѣкомъ окончательно преданнымъ чувственнымъ удовольствіямъ и имѣвшимъ, въ этомъ отношеніи, пагубное вліяніе на юнаго царя. Не говоря уже о томъ, что, по свидѣтельству самого Блюмберга, Лефортъ никогда не напивался до помраченія разсудка, еще ираспорѣчивѣе слѣдующій аргументъ: именно въ это время Лефортъ былъ занятъ обширными политическими планами, труднѣйшими дипломатическими переговорами относительно будущности Россіи, и велъ ихъ такъ умно, такъ искусно, что уже здѣсь положено было начало великимъ политическимъ предначертаніямъ Петра. Возможно-ли допустить, чтобы Лефортъ дѣлалъ все это въ хмѣлю или посвящалъ все свое время попойкамъ? Тотъ же вопросъ можно применить и къ предшествовавшему времени, начиная отъ перваго знакомства съ Петромъ до разгрома турокъ подъ Азовомъ. Припомнимъ, что совершилось въ этотъ періодъ. Неужели дѣянія едва вѣроятныя были слѣдствіемъ того, что Петръ и его любимецъ служили только Бахусу? Надлежало бы допустить величайшую во всемирной исторіи нелѣпость, вообразивъ, что многосторонніе и величественные планы, равно и ихъ осуществленіе, могли имѣть мѣсто подъ вліяніемъ ума омраченнаго алкоголемъ. Мы не знаемъ, какова была натура Петра и Лефорта относительно питья вина; но мы знаемъ, что оба они работали много и совершили дѣла выходящія изъ ряда обыкновенныхъ. Если о человѣкѣ судить не по словамъ, а по дѣламъ его, то еще съ большею справедливостію можно было бы сказать: не по питью вина, а по трудамъ и дѣламъ должно судить о Петрѣ и о Лефортѣ. Старинная русская пословица говорить: «Пей да дѣло разумѣй».

Тѣ, которые обвиняли Лефорта въ разгульной жизни и въ пьян-

ствѣ; или не знали всей его личности, или не хотѣли узнать ея. Изъ мнѣній русскихъ писателей о Лефорть распространены наиболѣе два—Карамзина и Устрялова. Карамзинъ говоритъ: «Бъ несчастію, сей государь (Петръ), худо воспитанный, окруженный людьми молодыми, узналъ и полюбилъ женева Лефорта, который *отъ бѣдности* (?) заѣхалъ въ Москву, и, весьма естественно, находя русскіе обычаи странными, говорилъ ему объ нихъ съ презрѣніемъ, а все европейское возвышалъ до небесъ. Больныя общества Нѣмецкой Слободы, пріятныя для необузданной молодости, довершили Лефортово дѣло, и пылкій монархъ, съ разгоряченнымъ воображеніемъ, увидѣвъ Европу, захотѣлъ сдѣлать Россію Голландією» (*).

Предположеніе Устрялова, будто Лефорть не имѣлъ никакого вліянія на Петра, приобрѣло многочисленныхъ приверженцевъ. Устряловъ беретъ исходною точкою своихъ сужденій то, что молодой женевецъ былъ искателемъ приключеній, авантюристомъ, бѣднякомъ, прибывшимъ въ Россію искать счастья; что онъ жилъ въ Москвѣ на счетъ голландскихъ купцовъ, которые полюбили его за «равгульный характеръ и за блистательный умъ въ дружеской бесѣдѣ»; что онъ увезъ у почтенной и богатой вдовы единственную дочь и, кромѣ того, выманилъ известную сумму денегъ, съ цѣлію вести роскошную жизнь.... Далѣе Устряловъ рассказываетъ, какъ «бездомный» капитанъ заискивалъ покровительства у могущественнаго тогда князя В. В. Голицына, какъ онъ, во время катастрофы въ Троицкомъ Монастырѣ, перешелъ на сторону Петра и такимъ образомъ приобрѣлъ его благорасположеніе. Затѣмъ, по словамъ того же историка, Лефорть сталъ всячески забавлять и потѣшать юнаго царя, устраивалъ для него шумные праздники и попойки, которыя такъ понравились, что женевецъ быстро началъ возвышаться въ царскихъ милостяхъ и могъ дѣлать что хотѣлъ. «По *единогласному* свидѣтельству современниковъ», прибавляетъ Устряловъ, «подтвержденному и собственными его дѣйствіями подъ Азовомъ, Лефорть не отличался искусствомъ въ военномъ дѣлѣ ни на морѣ, ни на сушѣ; едва-ли и любилъ труды военные: удовольствія веселой жизни, дружеская попойка съ разгульными друзьями, пиры по нѣскольку дней сряду, съ танцами, съ музыкою, были для него, кажется, привлекательнѣе славы ратныхъ

(*) Карамзинъ высказалъ мнѣніе о Лефорть въ известной рукописи своей: „О древней и новой Россіи“.

подвиговъ. Неумѣренное преданіе нѣмецкой масляницы прекратило его жизнь, драгоценную для Петра» (*).

Таковъ былъ, по отзыву академика Устрялова, человекъ, котораго — свидѣтельствуемъ тотъ же историкъ — «Петръ любилъ, какъ друга, со всѣмъ жаромъ своей пламенной души, не за поверхностныя свѣдѣнія, которыя могъ приобрести Лефортъ, странствуя, до прїѣзда въ Россію, по западной Европѣ, не за блистательную храбрость, нигдѣ имъ недоказанную, а за прекрасное сердце, за безкорыстную, безпредѣльную преданность къ его особе, за смѣлую, благородную откровенность и, безъ сомнѣнія, за горячее сочувствіе ко всему, что замышлялъ онъ своимъ гениемъ. Особеннымъ вѣдомствомъ Лефортъ не управлялъ».

Если бы этотъ портретъ былъ согласенъ съ истинною, то имя Лефорта не заслуживало бы мѣста въ исторіи; ибо какой историческій интересъ можетъ имѣть «*maitre de plaisir*», веселый, жадный до наслажденій собесѣдникъ, человекъ, не обладавшій никакими знаніями, ничего неслѣлавшій, страшившійся всякаго серьезнаго труда? Объективная біографія, хотя бы и въ сжатомъ очеркѣ, не можетъ и не должна быть писана безъ необходимыхъ для нея документовъ; въ противномъ случаѣ, подобное промѣдленіе лишено значенія (**). Если академикъ Устряловъ не имѣлъ подъ рукою нужныхъ матеріаловъ, то любовь къ исторической правдѣ требовала другаго рода изслѣдованій о человекѣ, который находился въ такихъ особенныхъ отношеніяхъ къ Петру, что оба они встрѣчаются на всѣхъ путяхъ духовной и матеріальной дѣятельности. То же стремленіе къ исторической правдѣ не должно было бы допускать выразиться такъ аподиктически: вотъ, читатель, человекъ, котораго любилъ геній Россіи, но который ничего не сдѣлалъ для Россіи и не заслуживаетъ признательности потомства. Профессоръ Соловьевъ, хотя также не имѣлъ доступа къ необходимымъ источникамъ, сознавалъ однако, что важ-

(*) Эта характеристика Лефорта находится въ первомъ томѣ „Исторіи царствованія Петра Великаго“, стр. 121—122. См. также стр. 7—8 того же тома.

(**) Устряловъ утверждаетъ, что изслѣдованія свои о Лефортѣ основалъ на „единогласномъ свидѣтельствѣ современниковъ“. Докторъ Посальтъ замѣчаетъ на это, что слѣдовало бы указать точно на такіе источники, чего, однако, историкъ не сдѣлалъ, а ограничился отзывами Корба и нѣсколькими мѣстами изъ „Дневника“ генерала Патрика Гордона, но преимущественно повѣзаніями Александра Гордона (въ его „Исторіи Петра Великаго“). Если бы академику Устрялову были коротко знакомы позднѣйшія отношенія Гордоновыхъ къ Лефорту, то онъ едва ли взялъ бы себя, при оцѣнѣ Лефорта, руководителями людей, которые питали чувства соперничества и зависти къ своему родственнику и расходились съ нимъ въ религіозныхъ и политическихъ убѣжденіяхъ.

ный вопросъ заключается въ томъ: какой былъ человекъ Лефортъ, и старался найти историческую точку, съ которой должно смотрѣть на друга и сотрудника Петра.

IX.

Свидѣтельства современниковъ объ отношеніяхъ Петра къ Лееорту. — Бомбардиры. — Пробываніе Петра въ домъ Лееорта. — Плясы и праздники здѣсь. — Куреніе табаку. — Сношенія Петра съ женеvскою республикою.

1691-й годъ — начало творческой дѣятельности, смѣлыхъ плановъ и неутомимой энергии Петра, которому не минуло еще и двадцати лѣтъ — этотъ годъ былъ началомъ и участія Лефорта въ великомъ дѣлѣ, задуманномъ юнымъ монархомъ. Въ этомъ же году установились окончательно и отношенія Петра къ женеvскому гражданину, о чемъ свидѣлствуютъ единогласныя сзаванія современниковъ — иноземцевъ, жившихъ въ Москвѣ.

Въ началѣ 1691 года пріѣхалъ въ Ригу, вѣроятно по торговымъ дѣламъ, женевецъ Филиппъ Сенебье, дальній родственникъ генерала Лефорта, который, получивъ отъ него письмо, пригласилъ его въ Москву и номѣстилъ въ своемъ домѣ. Несмотря на желаніе Сенебье заняться торговлею и пуститься въ Персію, даже въ Китай. Лефортъ, конечно съ цѣлію сдѣлать угодное молодому царю, одѣлъ молодого, благообразнаго человека въ красивый военный мундиръ, представилъ его Петру, послѣ чего Сенебье былъ принятъ въ русскую службу, съ чиномъ капитана, и получилъ роту. Уже въ первомъ письмѣ своемъ къ матери, писанномъ въ исходѣ 1691 года, новый капитанъ-женевецъ изложилъ всѣ обстоятельства, касавшіяся Франца Лефорта, какъ любимца царя, и то же самое подтвердилъ датскій резидентъ Бутенантъ. Последний писалъ, 12-го декабря: «Лефортъ неотлучно находится при нашемъ великомъ монархѣ и, по его желанію, постоянно занятъ въ такой степени, что не имѣетъ времени взаться за перо (чтобы писать матери или брату). Въ настоящую минуту (при отсылкѣ письма) его нѣтъ въ Москвѣ: онъ сопутствуетъ Петру, который уѣхалъ за пять сотъ часовъ пути (lieues), для осмотра своей страны» (*).

Въ сентябрѣ Лефортъ былъ произведенъ въ генералъ-лейтенанты. По этому случаю Сенебье извѣщалъ свою мать: «Его царское величество очень любить его и цѣнить его выше всѣхъ иноземцевъ,

(*) Петръ уважалъ, зимой 1691 года, для отысканія болѣе удобнаго мѣста или болѣе обширнаго, чѣмъ Переяславское, озера, что бы продолжать энергически начатую постройку судовъ.

здѣсь живущихъ. Онъ чрезвычайно любилъ также всѣми вельможами (seigneurs) и всѣми иностранцами. При дворѣ говорятъ только о его величествѣ и о Лефортѣ. Они неразлучны (*). Его величество посѣщаетъ его часто и обѣдаетъ у него два или три раза въ недѣлю. Оба они одинаковаго роста, съ тою только разницею, что его величество немного выше и не такъ крѣпокъ, какъ генералъ. Государю двадцать лѣтъ, и у него уже два принца (сына). Онъ нерѣдко одѣвается à la française, подобно господину Лефорту. Последний въ такой высокой милости у его величества, что имѣетъ при дворѣ большую власть; но онъ имѣетъ также великія достоинства и превосходныя качества. Съ тѣхъ поръ, какъ существуетъ Москва, никогда не бывало иноземца болѣе могущественнаго. Онъ могъ бы нажить огромное состояніе, если бы не былъ такъ щедръ. Его величество дѣлаетъ ему значительные подарки».

До сихъ поръ посѣщенія юнаго царя въ Нѣмецкой Слабодѣ были ограничены и стѣснены. Его приглашали къ себѣ и угощали различныя именитыя лица, къ которымъ въ 1691 году принадлежали преимущественно богатые купцы; но у одного и того же человека Петръ могъ бы вать разъ или два раза, ибо частыя пріѣзды сопровождались тѣмъ большимъ неудобствомъ для хозяина дома, что царская свита всегда состояла изъ весьма большаго числа людей. Хотя уже тогда Петръ имѣлъ немало противниковъ, даже враговъ при дворѣ и между именитыми боярами, непонимавшими его дѣйствій, однако были у него и друзья, которые примыкали къ нему тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ глубже узнавали его, и тѣмъ болѣе были готовы, съ одной стороны, поддерживать молодаго царя, съ другой—учиться сами и готовиться къ будущей, смутно-совнаваемой, дѣятельности. Ни они, ни самъ Петръ не руководились еще ясною идеей, опредѣленною цѣлю, но всѣхъ ихъ судьба выдвигала на новый путь жизни. Князь Федоръ Ивановичъ Троекуровъ, Федоръ Федоровичъ Плещеевъ, Федоръ Матвѣевичъ Апраксинъ, Гавріилъ Ивановичъ Головкинъ, князь Иванъ Юрьевичъ Трубецкой, князь Борисъ Ивановичъ Буракинъ, князь Анкита Ивановичъ Репнинъ, Иванъ Ивановичъ Бутурлинъ, Андрей Артемоновичъ Матвѣевъ, Артемонъ Михайловичъ Голевинъ — все это были, болѣею частью, молодые люди, позднѣйшая жизнь которыхъ показываетъ, въ чьей школѣ они учились. Къ нимъ примыкали оба князя Долгорукіе, сыновья престарѣлаго воеводы. Борисъ Алексѣевичъ Го-

(*) Сеневье замѣчаетъ, что Лефорта можно было видѣть и застать дома только въ ту равную пору, когда онъ пресыпался, потому что цѣлый день занимался дѣлами съ царемъ.

лицынь, Никита Алексѣевичъ Зетовъ, прежній учитель Петра, и князь Федоръ Юрьевичъ Ромадановскій; наконецъ, около Петра группировались, въ особенности, лучшіе и способнѣйшіе изъ его товарищей юности — бомбардиры или котѣшныи. Обращеніе съ ними осталось такимъ же, какимъ было въ Преображенскомъ: бомбардиры смотрѣли на молодого царя, какъ на своего учителя, онъ — какъ на учениковъ своихъ. Это были, въ дѣйствительномъ значеніи, товарищи, среди которыхъ не имѣли мѣста ни принужденіе, ни этикетъ, но господствовали полная свобода и откровенность. Такой же тонъ соблюдался и въ письменныхъ сношеніяхъ бомбардировъ съ ихъ вѣнчаннымъ товарищемъ. Въ 1693 году, молодой майоръ Адамъ Вейде (*), извѣщая царя, находившагося тогда въ Архангельскѣ, о разныхъ дѣлахъ, просилъ его, въ припискѣ, явиться капитану (Дефорту), поручикамъ, подпоручикамъ, сержантамъ и всѣмъ солдатамъ. Обращаясь къ царю — въ письмѣ — ли, на словахъ — ли — бомбардиры говорили, по-голландски: «*Men Herr Shiper Peter Alexseiwitz*», или по-русски: «господинъ шиперъ».

Офицеры, сержанты и солдаты, о которыхъ упоминалъ Вейде, были не кто иные, какъ старые друзья Петра, бомбардиры, сопровождавшіе его въ царвой поѣздѣ въ Архангельскъ. Они были для него всѣмъ во всемъ: подъ наименованіемъ «деньщиковъ» исправляли, по нынѣшнимъ понятіямъ, адъютантскую должность, были неотлучно при немъ; нѣкоторые изъ нихъ имѣли постоянное пребываніе по близости спальни царя, чтобы ежеминутно быть въ готовности для исполненія каковаго-либо порученія; другіе стояли на часахъ; иные посылались для надзора за работами. Въ походахъ деньщики превращались въ царскихъ журналистовъ, т. е. вели дневникъ (журналъ), въ который кратко записывали все замѣчательное, случившееся въ теченіе дня. Они же обязаны были заботиться въ дорогѣ о квартирахъ и о продовольствіи.

Принимая участіе въ трудахъ Петра, бомбардиры были товарищами и въ его развлеченияхъ и удовольствіяхъ. Они образовывали такъ называемую «компанію», самое равнообразное, самое пестрое общество по уму, по характеру, по образованію, по лѣтамъ и по національностямъ членовъ. Но царь встрѣчалъ немалыя затрудненія въ устройствѣ своихъ веселыхъ собраній: онъ не могъ дѣлать этого ни въ Кремлѣ, гдѣ появлялся только при торжественныхъ случаяхъ,

(*) Адамъ Вейде былъ сынъ поселившагося въ Россію полковника; до поступленія въ военную службу, онъ занимался изученіемъ медицины. Специальностью его было инженерное искусство.

ни въ Преображенскомъ, гдѣ жилъ со своимъ семействомъ. И потому, чѣмъ сильнѣе привлекала его, по разнымъ причинамъ, Нѣмецкая Слобода, чѣмъ охотнѣе вращался онъ въ обществѣ иностранцевъ, тѣмъ скорѣе могъ остановиться на мысли имѣть здѣсь, въ отдаленномъ уголку Москвы, помѣщеніе, куда онъ могъ бы прїѣзжать одинъ или со своею «компаніей» во всякое время, никого не беспокоя и никого не вводя въ лишніе расходы. Выборъ царя палъ, конечно, на домъ Лефорта. Съ этою цѣлію даны были хозяину богатые денежные средства расширить домъ, убрать его, приспособить, во всѣхъ отношеніяхъ, для удобнаго и прїятнаго пребыванія государя.

Въ 1691—1692 году Лефортъ принималъ царя въ своемъ небольшомъ домѣ на Нутѣ; но какъ здѣсь не могли ни собираться многочисленное общество, ни устраиваться танцевальныя вечера, то надобно было приступить къ расширенію и украшенію скромнаго домика. Передѣлка и убранство стоили 4,400 талеровъ: эта сумма была дана Петромъ. Въ сентябрѣ 1692 года Лефортъ писалъ своему старшему брату: «Если Богу будетъ угодно, то я приступаю, будущимъ дѣломъ, къ постройкѣ прекраснаго каменнаго дома, для чего ихъ царскія величества жалуютъ мнѣ все необходимое». Между тѣмъ, необходимость имѣть поскорѣе обширное помѣщеніе для гостей и для праздниковъ заставила отказаться отъ первоначальнаго плана и ограничиться пристройкою къ прежнему дому большой залы (*une chambre extraordinaire*). Къ этому было приступлено зимою 1692 — 1693 года. Еще до окончанія работъ, Лефортъ писалъ (въ маѣ): «Зала будетъ, безъ сомнѣнія, диковинкою въ русской землѣ. Издержки, вмѣстѣ съ обоями и мебелью, дойдутъ до 10,000 талеровъ. Уже слышатся желанія давать здѣсь балы».

Описаніе этой залы находится въ письмѣ Филипа Сенебье (отъ 22-го сентября 1693 года). «Его превосходительство выстроилъ весьма красивую и обширную залу для приѣма 1,500 человекъ (*). Она обита великолѣпными обоями, украшена дорогою скульптурною работою, вездѣ вызолочена и, дѣйствительно, можетъ быть названа прекраснѣйшею императорскою залою. Нашъ государь пожаловалъ ему (Лефорту) пятнадцать большихъ кусковъ шелковыхъ тканей, съ богатою золотою вышивкою. Помѣщеніе такъ велико и во всѣхъ частяхъ исполнено такъ превосходно, что представляетъ нѣчто удивительное. Издержки простираются, говорятъ, до 14,000 талеровъ. Меблировка роскошная; много серебряной посуды, оружія, картинъ, зеркалъ, ковровъ, разныхъ украшеній—все вещи въ высшей степени

(*) Число это, кажется, преувеличено.

интересныя и многоцѣнныя.... У генерала большое число прислуги; на конюшнѣ двадцать кровныхъ лошадей; у воротъ дома постоянно караулъ изъ двѣнадцати человѣкъ».

Нѣсколькими мѣсяцами позже (9-го марта 1694 года), самъ Лефорть писалъ о томъ же своему старшему брату: «Кареть и коласокъ у меня много, и между ними иныя стоятъ отъ 300 до 400 талеровъ; лошади, около тридцати, отлично хороши. Въ саду есть пруды, какихъ нелегко найти здѣсь, изобилующіе рыбою. За садомъ, на другой сторонѣ (рѣки), имѣю я паркъ, гдѣ содержатся различныя (дикіе) звѣри (*). Рабы и рабыни, которыхъ у меня довольно, всѣ освобождены мною. Словомъ, мой домъ красивѣйшій и пріятнѣйшій въ цѣломъ околоткѣ. Русскіе пріѣзжаютъ осматривать его какъ диковинку».

Открытие этого-то новаго помѣщенія рѣшено было, согласно громко-заявленнымъ желаніямъ, отпраздновать самымъ шумнымъ и блистательнымъ образомъ. Требовали большаго бала. Лефорть воспользовался бракосочетаніемъ въ Женевѣ любимой племянницы своей, дочери вятя своего Бурламаки, а какъ свадьбу, по тогдашнему обычаю, надлежало праздновать три дня сряду, то онъ и могъ показать свою новую залу во всемъ великолѣпіи. Для этого назначены были дни съ 30-го іюня до 2-го іюля 1693 года; между тѣмъ, 4-го іюля Петръ готовился выѣхать въ Архангельскъ, и потому надо было дать, въ честь его, прощальный пиръ ранѣе (3-го іюля), такъ что всевозможныя забавы и пиры продолжались четыре дня. Вотъ что писалъ Сенебье, 22-го сентября, женевскому сандику Лефорту: «Господинъ генераль Лефорть, передъ отъѣздомъ царя въ Архангельскъ, четыре дня угощалъ великолѣпнѣйшимъ образомъ его величество со всѣми князьями и боярами, почетными иностранцами и дамами, въ числѣ двухъ сотъ человѣкъ. Кромѣ блеска роскошнаго пира, была прекрасная музыка, танцовали всякій день, спускались интересные фейерверки, и ежедневно падали изъ двадцати пушекъ. Мы, цѣлымъ обществомъ, пили, при громѣ артилеріи, здоровье господъ женевскихъ сенаторовъ, и все это происходило по случаю вступленія въ бракъ г. Пелисари съ дѣвицею Бурламаки».

Лефорть сообщилъ матери своей слѣдующія подробности о праздникѣ: «Одна половина «компаніи» высыпается, а другая танцуетъ, я же долженъ быть постоянно распорядителемъ, маршаломъ. Благодареніе Богу, я здоровъ; да если бы и заболѣлъ, то этого не

(*). Звѣри были, по всей вѣроятности, тѣ, которыхъ персидскій посланникъ привезъ Петру въ подарокъ, а Петръ подарилъ ихъ Лефорту.

потерпѣли бы, ибо ихъ царскія величества (*) даютъ мнѣ столько дѣла, что иногда, въ теченіе трехъ сутокъ, я не сплю и двухъ часовъ, особенно въ дни забавъ. Но, кромѣ этихъ мелочей (ces bagatelles), подъ моимъ начальствомъ столько людей, что комната моя цѣлый день, когда я бываю дома, наполнена ими. Безпрестанно являются съ просьбами, съ жалобами, и всѣ офицеры Слободы посѣщаютъ меня. Много нужно было бы мнѣ времени, чтобы передать вамъ всѣ подробности; скажу только, почтеннѣйшая матушка, что я чрезвычайно люблю ихъ царскими величествами, и что все, чего я ни пожелаю, къ моимъ услугамъ». Далѣе Лефортъ говоритъ о Петрѣ: «Это благороднѣйшій и великодушнѣйшій (le plus brave et le plus généreux) монархъ, какого только можно найти. Наружность его благообразна; онъ обладаетъ несравненнымъ умомъ и, притомъ, отличный солдатъ. Ему двадцать первый годъ; онъ очень любитъ иностранцевъ. Неоднократно говорилъ онъ мнѣ, что желалъ бы, чтобы я съѣздила повидаться съ вами; но ему было бы тяжело отпустить меня. Однажды, когда я имѣлъ честь принимать его у себя, я сказалъ, что буду писать вамъ, и не имѣетъ ли онъ приказать чегонибудь. Онъ отвѣчалъ улыбаясь: кланяйся отъ меня своей матушкѣ. На вопросъ же мой: могу ли я написать, что поѣду въ Женеву? сказалъ: по возвращеніи изъ Архангельска увидимъ что дѣлать».

Ошибочно было бы, впрочемъ, думать, что новое помѣщеніе, выстроенное при домѣ Лефорта, предназначалось исключительно для пировъ и для всякаго рода потѣхъ. Домъ Лефорта, со всѣми принадлежавшими къ нему пристройками, значилъ не иное что, какъ небольшой царскій дворецъ, или, по крайней мѣрѣ, долженъ былъ имѣть это значеніе. Самъ Лефортъ считалъ себя, въ этомъ отношеніи, только исполнителемъ желаній и требованій своего государя, расходникомъ отпускаемыхъ ему изъ царской казны суммъ, и, упоминая въ письмѣ къ брату своему о расходахъ по хозяйству, замѣтилъ: «Могу сказать утвердительно, что, въ теченіе года, я не въ силахъ справиться на десять, даже на пятнадцать тысячъ талеровъ (**). Вотъ и теперь въ моемъ погребѣ хранится винъ слишкомъ на три тысячи талеровъ, а чрезъ три или четыре мѣсяца бочки будутъ уже пусты». Приведенный выше примѣръ празднованія показываетъ, каковы были вообще пары въ лефортской залѣ; но, судя по сохранившимся до-

(*) Лефортъ писалъ обыкновенно: „ихъ царскія величества“ (leurs Majestés Zarimpées), но разумалъ, конечно, одного Петра, и употреблялъ это выраженіе какъ оиціальную форму. Точно также выражался и генераль Гордонъ.

(**) Сумма огромная, если принять въ соображеніе, что въ то время деньги имѣли *вдесятеро* большую цѣнность, нежели нынѣ.

кументамъ, подобныя празднества бывали рѣдко. Напротивъ, часто происходила здѣсь совѣщанія Петра съ его вѣрными сотрудниками, потому что именно здѣсь установилось какъ бы средоточіе дѣловой жизни. Уѣзжая изъ Москвы, царь проводилъ послѣдніе часы передъ отъѣздомъ въ домъ своего любимца или для того, чтобы отдать нужныя приказанія, или ради прощальнаго обѣда. Возвратясь въ Москву, Петръ прямо отправлялся въ Слободу, къ Лефорту, у котораго рассчитывалъ навѣрное найти большее или меньшее число членовъ своей «компаніи». Даже когда Лефортъ ѣздилъ съ царемъ, въ квартирѣ его собирались иностранцы за какими нибудь справками, и вообще въ домѣ господствовало необыкновенное движеніе. Наконецъ, Лефортъ былъ такъ добръ, что отдавалъ свою залу постороннимъ лицамъ для свадебъ. Словомъ, домъ его былъ домомъ офиціальнымъ или царскимъ.

По собственному показанію Лефорта, число членовъ «компаніи» не превышало двухсотъ—пятидесяти или трехсотъ. Если, по предварительному приглашенію, къ генералу съѣзжались вечеромъ дамы, жены и дочери почетнѣйшихъ обывателей Слободы, то всякій разъ устраивались танцы. Въ хорошей музыкѣ, со включеніемъ трубъ и барабановъ, недостатка никогда не было. Такія собранія сопровождались обыкновенно иллюминаціями и фейерверками, перѣдко изготовленными и сожженными самимъ Петромъ, и пушечною пальбою. Продолжались эти балы не далѣе полуночи.

Мужчины пріѣзжали чаще всего обѣдать, и если вечеромъ не назначались танцы, то за столомъ сидѣли не очень долго, потому что Петръ обѣдалъ рано. Круговая чаша, наполненная винограднымъ сокомъ разныхъ странъ, играла, конечно, первую роль, и, судя по погребу Лефорта, можно судить сколько приблизительно выпивалось (*). Но служеніе Бахусу все таки не было исключительнымъ

(*) Сохранился любопытный счетъ по этой статьѣ. Генералъ Гордонъ испросилъ разрѣшеніе на безпошлинный ввозъ винъ, которыя и были доставлены чрезъ Нарву Омъ получая: 1 окгоетъ канаріентъ-секта; 1 пипу испанскаго вина; 2 1/2 окгоета преньяка; 5 1/2 окгоетовъ бѣлаго рейнвейна; 2 пипы петеръ-симена; еще 2 1/2 окгоета рейнвейна; 2 1/6 окгоета байонскаго и еще 2 1/15 окгоета того же вина. Старикъ, какъ видно, не пренебрегалъ винограднымъ сокомъ, и если Петръ не принуждалъ его пить наравнѣ съ другими, то это надобно разумѣть, конечно, въ томъ смыслѣ, что Гордонъ не могъ пить водки или другихъ дистиллированныхъ напитковъ. Вышеприведенное количество выписанныхъ имъ винъ стоило, по тогдашнимъ цѣнамъ, 400 рублей—сумма немалая для генерала и начальника второй дивизіи отборныхъ полковъ, получавшаго по 800 рублей ежегоднаго жалованья. Лефортъ показавъ цѣну имъвшихся у него винъ, привезенныхъ также безпошлинно, въ 3,000 талеровъ, слѣдовательно почти вчетверо больше того, сколько заплатилъ Гордонъ. Если взять въ счетъ тоже количество и ту же цѣну винъ, то

занятіемъ: гости стрѣляли въ цѣль, играли въ кегли, а вечеромъ первый бомбардиръ (Петръ), вмѣстѣ со своими помощниками, показывалъ свои любимыя работы — иллюминаціи и фейерверки. Кроме того, во время такихъ сѣздовъ, заходила рѣчь объ общественныхъ интересахъ; провозглашались тосты, говорились небольшіе спичи, служившіе выраженіемъ чувствъ относительно того или другаго лица, равно и мнѣній о дѣлахъ политическихъ. Тосты въ честь молодого царя, когда онъ отправлялся прямо съ обѣда въ путешествіе, сопровождались громомъ пушекъ и звуками трубъ и барабановъ.

Одинъ изъ современныхъ свидѣтелей этихъ пировъ, баронъ Хейсенъ (Huyszen), говоритъ: «Его величество присутствуетъ на большихъ обѣдахъ главнымъ образомъ потому, что чувствуетъ себя здѣсь нестѣсненнымъ (ohne weitere Façon), можетъ поговорить съ умными людьми о дѣлахъ или о разныхъ предметахъ, а иногда и отдавать приказанія. А такъ какъ его величество разсуждаетъ чрезвычайно разумно о предметахъ духовныхъ и свѣтскихъ, то всегда даетъ своему разговору такое направленіе, чтобы подданные его могли тѣмъ лучше научиться тому или другому».

Но много и злопамѣренныхъ толкованій было высказано по поводу сѣздовъ въ домѣ Лефорта. Обвиняли, напримѣръ, Петра въ безчувствіи за то, что онъ, уже на четвертый день по кончинѣ своей любимой матери (*), присутствовалъ на праздникѣ у Лефорта, хотя въ первые три дня, удрученный скорбію, не хотѣлъ никого видѣть. Это сказаніе основывается исключительно на словахъ «Дневника» Гордона; въ другихъ современныхъ свидѣтельствахъ нѣтъ ни малѣйшаго намета о какомъ-либо праздникѣ 28-го января, ознаменованномъ присутствіемъ царя. 9-го февраля Лефортъ писалъ своему брату: «Такъ какъ въ будущее воскресенье (11-го февраля) послѣдній, по русскому обычаю, скоромный день и въ понедѣльникъ начинается постъ, то его величеству угодно отобѣдать у меня со всѣми боярами и генералами. Обѣдъ будетъ въ моей большой залѣ, гдѣ за столомъ могутъ помѣститься двѣсти-пятьдесятъ человекъ. Надѣюсь, что всѣ мѣста будутъ заняты. По причинѣ траура, палитъ изъ пушекъ не станутъ; не будетъ играть и музыка; выпьютъ только лишній, противъ обыкновенія, стаканъ вина (**)». Далѣе онъ

можно ообразить, сколько было выпито у него винограднаго сока въ три или четыре мѣсяца. Тогдашніе 3,000 талеровъ представляли бы въ наше время сумму слишкомъ въ 30,000 талеровъ.

(*) Царяца Наталія Кирилловна скончалась 25-го января 1694 года, 49 лѣтъ отъ реду.

(**) Что въ этотъ день у Лефорта были гости, объясняется обычнымъ празд-

прибавляетъ: «Кончина царицы, родительницы царя Петра Алексѣевича, повергла всѣхъ насъ въ великую скорбь и всѣ удовольствія (les plaisirs ou divertissements) прекратились.... Всѣ мои люди въ траурной одеждѣ, и я думаю, что это продолжится цѣлый годъ».

29-го апрѣля Петръ назначилъ днемъ своего отъѣзда въ Архангельскъ и, по обыкновенію, пріѣхалъ къ Лефорту проститься съ нимъ и съ оставшимися въ Москвѣ членами «компаніи». Собралось болѣе двухсотъ человекъ. «Всѣ солдаты (т. е. бомбардиры), отправившіеся съ царемъ, были угощаемы послѣ обѣда и пили за здоровье и благополучное путешествіе его величества. Хотя трауръ по покойной царицѣ—матери Наталіи Кириловнѣ былъ еще глубокой, однако послѣдовало приказаніе, чтобы играли на трубахъ, били въ барабаны и палили изъ пушекъ, и чтобы, при прощаніи, присутствовали иновѣрные или нѣмецкія дамы нашего кружка; но танцевъ не было». Такъ писалъ Лефортъ въ Женеву.

Сопоставляя эти факты, трудно допустить, чтобы Лефортъ устроилъ пиръ на четвертый день послѣ искренней горести своего монарха, въ которой онъ, безъ сомнѣнія, принималъ сердечное участіе. Не должно забывать, что любимецъ царя завѣдывалъ тогда самыми разнообразными дѣлами, что къ нему присылались жалобы, просьбы, предложенія даже изъ отдаленнѣйшихъ краевъ государства, и что въ домѣ его ежедневно собиралось много людей по той или другой причинѣ. Кому не были извѣстны эти обстоятельства, тотъ могъ принять подобное собраніе за праздникъ, за пирушку, и если Гордонъ, въ своемъ «Дневникѣ», употребилъ слово «праздникъ» (feast), то оно употреблялось имъ и тамъ, гдѣ не могло имѣть ни малѣйшаго примѣненія. Предположимъ, что въ упомянутый вечеръ (28-го января) собралось порядочное число людей, желавшихъ узнать о невидимомъ уже нѣсколько дней царѣ; такое предположеніе правдоподобно столько же, какъ и то, что Петръ явился среди ихъ или для совѣщаній по предстоявшей поѣздкѣ въ Архангельскъ, или просто съ цѣлю показаться своимъ друзьямъ. Но, въ такомъ случаѣ, не можетъ быть и рѣчи собственно о званомъ праздникѣ.

Здѣсь слѣдуетъ упомянуть еще объ одномъ обстоятельствѣ, много способствовавшемъ тому, что русскіе люди любили собираться въ домѣ Лефорта. Выше было замѣчено, что къ нему пріѣзжали изъ Москвы покурить табакъ. Между обывателями Слободы этотъ обычай

нованіемъ на Руси послѣдняго дня масленицы. Но въ продолженіе всей сырной недѣли никакихъ праздниествъ у Лефорта не было.

былъ общій, и они могли безпрепятственно получать табакъ; русскому же человѣку было строжайше воспрещено это богомерзкое, по тогдашнимъ понятіямъ, зелье. Хотя и неизвѣстно, какъ поступали иноземцы и русскіе относительно куренія табаку, когда Петръ впервые сталъ посѣщать Нѣмецкую Слободу, однако можно думать, что первые, не говоря уже о послѣднихъ, воздерживались отъ табакокуренія въ присутствіи царя. Такъ продолжалось, впрочемъ, недолго: присутствіе государя уже не мѣшало никому, и трубки работали со всеусердіемъ. Подобная свобода была, конечно, для русскіихъ людей событіемъ тѣмъ болѣе желаннымъ, чѣмъ радушнѣе Лефортъ заботился объ угощеніи своихъ посѣтителей этого рода потѣхою. Какъ быстро стало распространяться куреніе табаку, можно судить по отиѣткѣ генерала Гордона, записавшаго въ своемъ «Дневникѣ», въ началѣ 1695 года (8-го января): «Agreed to pay 3,000 Roubles yearly for the monopoly of Tobacco» (*). Смыслъ этихъ словъ, безъ сомнѣнія, тотъ, что Гордонъ заключилъ условіе о монополіи торговли табакомъ, и здѣсь лежитъ, слѣдовательно, доказательство свободного и обширнаго распространенія предмета, еще недавно столь строго запрещеннаго. Правда, самъ Петръ не ранѣе 1698 года подписалъ, въ Лондонѣ, съ маркизомъ Кэрмартеномъ договоръ о дозволѣннн торговать табакомъ и трубами въ Москвѣ и во всѣхъ частяхъ русскаго государства, о чемъ и возвѣщено было указомъ 11-го іюля того же года; тѣмъ не менѣе слова Гордона, высказанныя опредѣлительно, хотя и не подтверждаемыя другими данными, могутъ быть истолкованы такъ, что уже въ отиѣченномъ имъ году послѣдовало какое-либо распоряженіе относительно употребленія табаку.

Участіе молодого царя въ собраніяхъ у Лефорта имѣло послѣдствіемъ замѣчательныя отношенія къ женеvской республикѣ или къ ея сенаторамъ. Приведенныя выше письма Бутенанта къ синдикъ Лефорту и капитана Сенебье къ матери были сообщены женеvскому сенату, который отнесся къ содержанію ихъ весьма сочувственно. Въ письмѣ перваго было сказано: «По моему мнѣнію, не мѣшало бы республикѣ обратиться къ его величеству съ благодарственнымъ адресомъ: это много помогло бы усиленію благорасположенія, оказываемаго ему (Лефорту) смѣлъ благороднымъ государемъ, и подтвердило бы мои слова, что онъ (Лефортъ) принадлежитъ къ одной изъ первыхъ фамилій въ Женеvѣ». Вслѣдствіе этого сообщенія, синдикъ Ами Ле-

(*) „Условлено платить по 3,000 рублей ежегодно за монополію табака“.

фортъ обратился въ Москву къ своему брату съ просьбою относительно титула и формы адреса къ его царскому величеству, и получилъ слѣдующій отвѣтъ (отъ 22-го сентября 1692 года): «Я объяснилъ, сколько могъ, его величеству ваше письмо, и государь готовъ съ удовольствіемъ принять адресъ нашихъ достопочтенныхъ сенаторовъ. Но письмо, которое угодно будетъ написать имъ собственно обо мнѣ, должно выразить лишь благодарность ихъ царскимъ величествамъ за оказываемыя мнѣ милости, а не заключать въ себѣ просьбы о приумноженіи оныхъ. Рѣчь можетъ быть только о сохраненіи ко мнѣ благоволенія царей».

20-го декабря 1692 года отправленъ былъ въ Москву слѣдующій адресъ женеваго совѣта:

«Высокій Совѣтъ Женевской Республики, всепресвѣтлѣйшимъ и державнѣйшимъ великимъ Государямъ и Великимъ Князьямъ Іоанну и Петру Алексѣевичамъ» и проч.

«Всепресвѣтлѣйшіе и державнѣйшіе Государи и Цари!

«Изъ письма благороднаго Франсоа Лефорта, гражданина нашей республики, извѣстались мы, что съ того времени, какъ онъ, къ нашему удовольствію и съ нашего дозволенія, оставилъ свое отечество и отправился въ Ваше государство, Ваши Царскія Величества осыпаете его непрерывно каждый день милостями, и Вы не только соблаговолили возвысить его на первыя военныя ступени, но и оказываете ему такое благоволеніе, что ему не остается желать ничего большаго.

«Это извѣстіе было для насъ тѣмъ пріятнѣе, что мы съ удовольствіемъ видимъ милости и благоволеніе Вашихъ Императорскихъ Величествъ, оказываемыя одному изъ нашихъ согражданъ, который своимъ соотечественникамъ дорогъ столько же по его прекраснымъ, отъ природы полученнымъ, качествамъ, сколько по благородству и древности его фамиліи. Онъ братъ благороднаго Ами Лефорта, съ отличіемъ занимающаго нынѣ должность синдика или консула въ нашемъ государствѣ.

«Скозь многія милости и почести, излитыя Вашими Величествами на одного изъ нашихъ согражданъ, даютъ Вамъ право на нашу благодарность. Мы можемъ представить Вашимъ Величествамъ лишь слабое ея выраженіе, но высказываемъ ее со всею горячностію и со всею искренностію, на которыя только мы способны, и всепреданнѣйше просимъ Васъ благосклонно принять нашу благодарность. Молимъ Всевышняго Творца, всемогущаго Бога, о сохраненіи и про-

долженіи днѣй Вашихъ Величествъ, къ счастью и радости многочисленныхъ народовъ Вашего Царства».

«Дано въ Женевѣ 16-го декабря 1692 года».

Адресъ женеваго сената имѣеть право быть занесеннымъ въ историю Петра потому, что онъ произвелъ на молодого царя сильное впечатлѣніе, не столько, конечно, вслѣдствіе отзывовъ о Лефортѣ, сколько по новости этого явленія: въ первый разъ Петръ вступалъ теперь въ дипломатическія сношенія. Документъ, врученный ему 17-го марта 1693 года, былъ принятъ «со всевозможною честію». Копію съ него царь долго носилъ въ карманѣ и часто перечитывалъ, какъ о томъ свидѣтельствуетъ Лефортъ (*). Русскій переводъ былъ изготовленъ немедленно; вслѣдъ за тѣмъ Петръ приказалъ написать отвѣтъ, который и былъ отправленъ, въ формѣ царскаго письма, 12-го мая на имя Совѣта Женевской Республики (**). Читаніе его, въ торжественномъ засѣданіи 2-го октября, доставило господамъ сенаторамъ большое удовольствіе и побудило ихъ составить особый протоколъ о милостивомъ принятіи адреса ихъ царскими величествами. Сенаторы радовались преимущественно сочувственному отзыву государей о «ихъ возлюбленномъ гражданинѣ, благородномъ Франсоа Лефортѣ», котораго «мы возвели въ высшія военныя достоинства нашего царства», какъ было сказано въ отвѣтѣ царей, «котораго добродѣтель и превосходныя качества таковы, что онъ оказалъ намъ добрыя и вѣрныя послуги» (***)).

Одновременно съ царскимъ отвѣтомъ, предъявлено было совѣту благодарственное письмо Лефорта и доложена синдикомъ, Ами Лефортомъ, присланная братомъ его изъ Москвы поправка, касавшаяся

(*) „La lettre que Messieurs de Genève ont envoyé, il en a porté la copie à sa poche fort longtemps et même l'a lue, où j'ai été présent. Il y a fait aussi réponse comme il a désiré“.

(**) Отвѣтъ, на церковно-славянскомъ языкѣ, былъ весьма красиво написанъ на пергаментѣ, украшенъ кругомъ золотыми выѣтками и скрѣпленъ большою царскою печатью. Къ нему былъ приложенъ латинскій переводъ. О принятіи Петромъ письма женеваго сената сказано въ письмѣ Бутенанта къ снудну Лефорту (отъ 12-го мая): „Je vous assure que votre lettre (т. е. письмо сената) a été reçue avec beaucoup de plaisir et agréablement de sa Majesté; il a appris avec contentement les reconnaissances que vous témoignez pour le bonheur de votre citoyen, que sa Majesté a choisi à cause de son mérite pour son favori et l'a élevé dans l'honorable emploi, qu'il possède à présent“.

(***) Въ отвѣтѣ было еще сказано, что ихъ царскія величества готовы оказывать такую же милость и такое же благоволеніе всѣмъ иностранцамъ, честнымъ и храбымъ, которые пойдутъ по слѣдамъ „этого преславнаго воина“ (Лефорта) и, подобно ему, будутъ содѣйствовать могуществу Россіи, сражаясь съ ея врагами.

слѣдующаго мѣста въ отвѣтной грамотѣ царей: «онъ (Францъ Лефорть) пожалованъ въ полные генералы». Лефорть извѣщалъ, что это выраженіе невѣрно, хотя оно и написано въ «канцеляріи» (вѣроятно въ Посольскомъ Приказѣ); что до сихъ поръ онъ еще не произведенъ, но что производство послѣдуетъ навѣрное 29-го іюня, т. е. въ день именинъ царя, «о чемъ его царское величество Петръ Алексѣевичъ говорилъ давно». Такъ, дѣйствительно, и случилось: въ день св. апостоловъ Петра и Павла, 1693 года, Лефорть былъ произведенъ въ полные генералы.

Женевскій сенатъ, ободренный милостивымъ принятіемъ письма ихъ царскими величествами (т. е. однимъ Петромъ), вскорѣ обратился къ русскимъ государямъ съ просьбою. Въ 1693 году Швейцарія была постигнута полнымъ неурожаемъ, и всѣ жители ея, въ томъ числѣ и женевцы, терпѣли крайнюю нужду. Это обстоятельство и послужило поводомъ къ отсылкѣ (10-го ноября) на имя царей Іоанна и Петра втораго письма, которое долженъ былъ передать Петру генераль Лефорть. Послѣдній отвѣчалъ своему брату (9-го февраля 1694): «Письмо нашихъ достопочтенныхъ господъ сенаторовъ, которымъ я тысячекратно обязанъ, мною получено; я немедленно отправился къ великому государю и представилъ оное. Письмо было передано князю Борису Алексѣевичу Голицыну, съ приказаніемъ, чтобы первый канцлеръ (начальникъ Посольскаго Приказа) принялъ его изъ рукъ князя (вѣроятно, для перевода).» Далѣе Лефорть писалъ: «И ваше ко мнѣ письмо было переведено на русскій языкъ господиномъ генераль-майоромъ Менезесомъ, знающимъ многіе языки, и представлено ихъ царскимъ величествамъ. Имъ благоугодно было прочесть письмо до конца, и они очень были обрадованы извѣщеніемъ о приѣмѣ ихъ письма нашими достопочтенными господами сенаторами». Новое письмо женевского сената къ Петру было прочитано въ присутствіи всѣхъ бояръ и возбудило большую радость; копія съ него сообщена Лефорту, послѣ чего бояре отправились къ нему на ужинъ, за которымъ, въ присутствіи царя, было пито за процвѣтаніе женевской республики. «Много было говорено», извѣщалъ Лефорть, «о нуждѣ въ Женевѣ по причинѣ недостатка въ хлѣбѣ (*des blés*), и его величество изволилъ сказать, что вамъ перешлютъ хлѣбъ до Голландіи, а о дальнѣйшей перевозкѣ вы должны позаботиться сами. Здѣсь есть большой хлѣбный рынокъ, и я могъ бы доставить нѣсколько тысячъ мѣръ (*soopes*) въ Архангельскъ, поручивъ это дѣло знакомымъ мнѣ молодымъ купцамъ. Женевская мѣра хлѣба стоитъ въ Московіи около

полуталера (environ $\frac{1}{2}$, écu). По милости ихъ величествъ, я, дѣйстви- тельно, могу получить нѣсколько тысячъ мѣръ даже безвозмездно. Принимая искреннее участіе въ столь прискорбномъ обстоятельствѣ, я стараюсь, какъ видите, быть вамъ полезнымъ».

Впослѣдствіи, сношенія между Петромъ и женеvскою республи- кою установились по другимъ поводамъ. Еще въ 1692 году моло- дой царь выразилъ желаніе принять къ себѣ на службу нѣсколь- ко человекъ въ артилерію и для работъ лабораторныхъ; Лефоргъ сносился объ этомъ со своимъ братомъ и, по порученію Петра, просилъ его постараться «какъ можно скорѣе прислать въ Москву хорошаго фейерверкера (faiseur d'artifice) и свѣдущаго инженера». — «Они несомнѣнно будутъ здѣсь счастливы», прибавилъ Лефоргъ, «но люди должны быть опытные и искусные». Повторяя свою просьбу, онъ замѣтилъ, что охотно приняли бы въ Москвѣ также «оружей- наго мастера (faiseur d'armes) и вольтижера», и совѣтовалъ, ка- кимъ путемъ должны отправиться всѣ эти мастера. «Извѣстите ме- ня», писалъ Лефоргъ брату, «черезъ Архангельскъ-ли прибудутъ они. Это было бы слишкомъ долго; пусть они ѣдутъ сухимъ путемъ, и когда достигнуть Риги, дальнѣйшій переѣздъ будетъ очень коро- токъ. Я пошлю въ Новгородъ приказаніе о заготовкѣ лошадей и всего необходимаго. Всѣ расходы будутъ уплачены. Вы обяжете меня несказанно»....

Въ этомъ же письмѣ (май 1693), Лефоргъ выразилъ желаніе видѣть въ Москвѣ кого-нибудь изъ своихъ племянниковъ или двоу- родныхъ братьевъ. «Увѣряю васъ», писалъ онъ, «имъ будетъ здѣсь хорошо, ибо они будутъ имѣть благороднаго государя, любящаго иностранцевъ и постоянно одѣтаго à la française». Однако на всѣ предложенія Лефорту отвѣчали вопросами и отговорками, доказыва- ющими, какія мнѣнія были распространены тогда въ западной Европѣ о Россіи. Ему поставляли на видъ, что всякій долженъ бояться ѣхать въ эту страну, остаться тамъ и даже жениться; что поѣздка туда, и по причинѣ климата, и по отсутствію путей сообщенія, не- исполнима или, по крайней мѣрѣ, слишкомъ затруднительна.

Любопытны возраженія Лефорта на эти доводы. 9-го марта онъ писалъ: «Въ послѣднемъ письмѣ я достаточно выразилъ желаніе ви- дѣть здѣсь одного изъ моихъ племянниковъ или кого-либо изъ дру- гихъ родственниковъ, здороваго физически и морально. Онъ, безъ сомнѣнія, содѣлаетъ свое счастье, а я всячески буду поддерживать его. Того же желаютъ и ихъ царевія величества. Если вы пришлете съ нимъ члена нашей фамиліи, занимающаго почетную должность

(une charge élevée) и, въдобавокъ, снабдите письмомъ женеваго республики на имя государей, то они были бы приняты весьма хорошо. Они легко могли бы прибыть съ послѣдними кораблями въ Архангельскъ, а еще лучше сухопутно. Это не болѣе какъ увеселительная поѣздка (voyage de plaisir). Вчера прѣехали сюда сестры майора Булома и г-жа Крафойрдъ съ двумя дочерьми. Мужъ ея служилъ здѣсь генералъ-майоромъ; по смерти его, онѣ удалились въ Кёнигсбергъ, откуда теперь всѣ вернулись, потому что здѣсь жить пріятнѣе и дешевле (*). Если столь нѣжныя особы предприняли такое путешествіе, то разсудите сами, могутъ-ли отважиться на него мои племянники или родственники. Потому прошу васъ: отпустите ихъ, хотя бы ихъ было даже полдюжины. Я всѣхъ пристрою, и вышлю ихъ навстрѣчу людей до Кёнигсберга, если они поѣдутъ сухимъ путемъ, а ежели отправятся моремъ, то самъ прибуду въ Архангельскъ встрѣтить ихъ».

Въ другомъ письмѣ (отъ 13-го сентября 1694), по поводу отъѣзда племянника Троншена (**), прѣхать въ Москву, Лефортъ писалъ: «Вѣроятно, кто-нибудь представилъ ему Московію въ страшномъ видѣ, а между тѣмъ, благодареніе Богу, никогда не бывало здѣсь такъ тихо, такъ хорошо, какъ теперь; даже иностранцы охотно проживаютъ здѣсь. Ни оставаться въ Московіи навсегда, ни жениться никого не неволятъ, и если бы г. Сенебье пожелалъ взять отставку, то получилъ бы ее немедленно. Точно также и всѣ другіе. Бывшій здѣсь посланникъ (по всей вѣроятности, австрійскій интернунцій Курцъ) слышалъ, статья можетъ, о тѣхъ, которые живутъ въ неволѣ, т. е. объ офицерахъ, взятыхъ въ плѣнъ въ войну

(*) Вдова генерала Крафойрда возвратилась въ Москву, главнымъ образомъ, потому, что ожидала назначенія себѣ пенсіи за долговременную службу мужа.

(**) Это былъ сынъ старшей сестры Лефорта (находившейся въ замужествѣ за проѣссоромъ и пасторомъ Троншеномъ), почти однихъ лѣтъ со своимъ дядею. Лефортъ, особенно желавшій видѣть при себѣ этого племянника, писалъ о томъ и къ нему, и къ отцу его. Изъ отвѣта проѣссора Троншена можно видѣть, какимъ высокимъ уваженіемъ пользовался Францъ Яковлевичъ между своими родными. Троншенъ писалъ: „Я чрезвычайно радуюсь всякій разъ, когда узнаю, что вы продолжаете возвышаться при ихъ царскихъ величествахъ, и одно изъ моихъ пламеннѣйшихъ желаній есть, что бы Богъ сохранялъ вамъ здоровье и милость государей въ теченіе всей вашей жизни, и чтобы, достигнувъ маститой старости, уцѣла крѣпкимъ здоровьемъ людей, вы кончили жизнь, надѣленные почестями и богатствами, въ упованіи на милосердіе Бога, и унаслѣдовали блага небесныя, предъ которыми земныя выгоды ничто“. Если бы Лефортъ былъ человекомъ ничтожнымъ, отъявленнымъ гулякою, то едва-ли строгій въ правлахъ реформатскій пасторъ отнесся бы къ своему шурина въ такихъ выраженіяхъ.

со шведами; мы же, иностранцы, получаемъ отставку, по нашему желанію, безотлагательно. Да правду вамъ сказать, никто и не проситъ объ увольненіи отъ службы. По милости Божіей, мы живемъ подъ такимъ правленіемъ, которое никогда не бывало болѣе милостивымъ къ чужеземцамъ. Оба пара и многіе князья (бояре) любятъ иностранцевъ (*font la grâce d'aimer les étrangers*).

Еще примѣръ, опровергающій мнѣніе Карамзина и его послѣдователей, будто женевецъ Лефорть насмѣхался надъ всѣмъ существовавшимъ въ Россіи, глумился надъ русскими правами и обычаями, и легкомысленно старался внушить юному царю свою страсть къ нововведеніямъ и къ испроверженію старыхъ порядковъ. Оказывается, напротивъ, что Лефорть, при всякомъ возможномъ случаѣ, старался познакомить Европу съ новою эрою, начинавшеюся въ далекой и невѣдомой странѣ. Сожалѣя объ отказѣ Троншена пріѣхать въ Москву, но все еще не теряя надежды видѣть тамъ своего племянника, онъ писалъ: «Но если бы онъ пожелалъ прибыть сюда, то ему нечего бояться ни быть насильно обвиняемымъ, ни задержаннымъ, ни принужденнымъ вступить въ военную службу. Здѣсь довольно должностей, чтобы двинуть его по службѣ; употребивъ короткое время на изученіе славянскаго (русскаго) языка, онъ можетъ получить почетное мѣсто при дворѣ или въ какой-нибудь канцеляріи, или же быть посланнымъ куда-нибудь. Проживъ здѣсь нѣкоторое время, онъ самъ увидитъ начало своего счастья».

Если, съ одной стороны, всѣ подобныя доводы Лефорта имѣли источникомъ желаніе видѣть при себѣ кого-либо изъ своихъ родныхъ, то, съ другой, они клонялись преимущественно къ тому, чтобы не только въ Женевѣ, но и за предѣлами ея распространить благоприятное мнѣніе о юномъ монархѣ, о его достоинствахъ и о его дѣятельности. Съ каждымъ днемъ Петръ шелъ впередъ и впередъ и чувствовалъ необходимость привлечь новыя силы на помощь своимъ громаднымъ трудамъ. Онъ возложилъ на своего любимца добыть такія силы. Самыя убѣдительныя просьбы посылалъ Лефорть въ Женеву объ отысканіи опытныхъ въ инженерномъ и артиллерійскомъ дѣлѣ людей, но никто не хотѣлъ вѣхать. Рѣчь шла теперь уже не объ однихъ офицерахъ, но также и о мастерахъ, въ надеждѣ, что таковыхъ легко найти между женевскими эмигрантами (*réfugiés*). «Если», писалъ Лефорть брату, «въ Женевѣ найдутся между эмигрантами ремесленники и солдаты, то они могутъ пріѣхать сюда. Имъ стоитъ только обратиться въ Кёнигсбергъ къ господину

Рейеру Чаплиціусу, моему искреннему другу, и они получают паспорта, а здѣсь ихъ ожидаютъ хорошіи приѣмъ и повышеніе по заслугамъ».

Наконецъ, въ исходѣ 1693 года, прибылъ въ Москву изъ Женева инженеръ, по имени Куломъ, съ рекомендательнымъ письмомъ отъ синдика Лефорта, и былъ принятъ такъ благосклонно, что тотчасъ же опредѣленъ въ службу съ чиноу майора. Тогда Лефортъ сталъ еще убѣдительнѣе просить брата Ами прислать одного изъ сыновей и другихъ родственниковъ, чтобы тѣмъ исполнять желаніе Петра. «Обрадуйте меня», писалъ онъ; «вы увидите или услышите, какъ ихъ примутъ здѣсь, и раздѣлю-ли я съ ними половину того счастья, которымъ я, по милости Божіей, пользуюсь все болѣе и болѣе».

Хотя, вслѣдствіе всѣхъ этихъ убѣжденій, синдикъ Ами Лефортъ и изъявлялъ, наконецъ, готовность, отправить къ брату одного изъ своихъ сыновей, однако назначилъ для того младшаго сына, заботивъ, что, по причинѣ его возраста, еще нельзя помышлять о путешествіи. Письмо объ этомъ было послано въ Москву въ исходѣ 1693 года, а въ началѣ февраля 1694 года Францъ Лефортъ отвѣчалъ: «Весьма много обязанъ вамъ за доказательства вашей любви ко мнѣ, за вашу готовность прислать одного изъ вашихъ сыновей, и крайне обрадованъ тѣмъ. Но время, котораго, по волѣ вашей, надобно ждать, слишкомъ продолжительно. Потому прошу васъ убѣдительнѣйше, пришлите сына поскорѣе, и если младшій еще не въ надлежащемъ возрастѣ, то отправьте другаго, которому девятнадцать лѣтъ. Между тѣмъ, младшій изучитъ то, что ему знать необходимо» (*).

Послѣ неоднократныхъ освѣдомленій, отецъ назначилъ, для исполненія желаній брата, своего втораго сына Петра, и весной 1694 года сталъ готовить его въ дальній путь. Молодой Лефортъ прибылъ въ Москву только въ концѣ того же года. Какъ путешествіе его, такъ и приѣздъ къ дядѣ заключаютъ въ себѣ много любопытныхъ подробностей, и о нихъ, равно и о племянникѣ Франца Яковлевича, нельзя умолчать потому, что впоследствии рѣчь неразъ будетъ идти о Петрѣ Лефортѣ.

(*). У Ами Лефорта было три сына. Старшій (авторъ „Записокъ“ о Лефортѣ) назывался Людовикъ; онъ служилъ въ магистратурѣ, достигъ званія синдика, былъ посланникомъ при французскомъ дворѣ и умеръ въ 1748 году. Второй, Петръ, приѣхавшій въ Москву, родился въ 1678 году, следовательно былъ восемнадцати лѣтъ; третій, Исаакъ, былъ вдвое его моложе.

Но прежде чѣмъ говорить объ этомъ, нужно упомянуть о разнообразныхъ заграничныхъ порученіяхъ, возлагавшихся Петромъ на своего любимца. Въ 1693 году Лефортъ хлопоталъ о выпискѣ изъ Голландіи сукна для обмундированія солдатъ своего полка; въ слѣдующемъ году ему было поручено пригласить въ царскую службу несколько искусныхъ врачей. Когда Петръ, во время вторичнаго пребыванія своего въ Архангельскѣ, готовился выйти въ Бѣлое Море, умеръ скоропостижно, на кораблѣ, извѣстный лейбъ-медикъ его Захарія фанъ-деръ-Гульстъ, о которомъ царь очень сожалѣлъ. Изъ Москвы хотя и былъ вызванъ докторъ Карбонари для занятія мѣста лейбъ-медика, однако Лефортъ получилъ повелѣніе принять мѣры къ приглашенію нѣсколькихъ врачей, вслѣдствіе чего онъ писалъ брату (4-го іюля 1694): «Ихъ величества приказали мнѣ обратиться къ вамъ съ просьбою: не можете ли вы найти хорошихъ медиковъ, которые пожелали бы служить здѣсь. Если нужно выдать впередъ деньги, то я распорядюсь куда ихъ переслать. Жалованье врачамъ большое, и доходитъ даже до 1,500 или 1,600 талеровъ ежегодно, кромѣ другихъ выгодъ и подарковъ; но медики должны вполнѣ разумѣть свою «професію». Желаютъ имѣть ихъ пять или шесть, если найдутся знающіе, или только одного, котораго, какъ я не сомнѣваюсь, можно будетъ отыскать между эмигрантами. Будьте такъ добры, увѣдомьте меня, прибудетъ ли *онъ* (s'il) сюда сухопутно, въ началѣ зимы, сколько требуетъ жалованья и куда переслать переводные векселя: въ Голландію или въ какое другое мѣсто».

Одновременно и новый лейбъ-медикъ Петра получилъ подобное же порученіе; но какъ дѣло это не имѣло успѣха, то въ слѣдующемъ году Лефортъ опять писалъ своему брату: «Здѣсь очень желаютъ имѣть искусныхъ докторовъ и хорошихъ хирурговъ. Здѣсь есть медики, получающіе болѣе 1,800 талеровъ жалованья, не считая посторонней практики. Опытные хирурги получаютъ до 1,000 талеровъ содержанія и заняты цѣлый день, что можетъ принести имъ, если захотятъ, столько же» (*). Однако, несмотря на возраставшую съ каждымъ годомъ потребность во врачахъ, Лефарту удалось исполнить порученіе только во время своего знаменитаго по-
сольства.

(*) По спискамъ Аптекарскаго Приказа 1696 года, докторъ Лаврентій Блюментростъ (старшій) получалъ ежегоднаго жалованья, вмѣстѣ со столовыми, 730 рублѣй (= 1460 талерамъ), докторъ фанъ-деръ-Гульстъ 680 рублѣй (= 1360 талерамъ), а хирургъ Термонъ, въ томъ году, 720 талеровъ, въ 1697 г. 1260 талеровъ.

Всѣ эти старанія Лефорта услужить своему молодому государю привлеченіемъ столь необходимыхъ рабочихъ силъ, доказываютъ, что онъ заботился о прывыѣ въ Россію только свѣдущихъ, опытныхъ и честныхъ людей. Еще большимъ доказательствомъ его безкорыстныхъ стремленій служить его строгая требовательность не только къ прибывшимъ къ нему родственникамъ, но и къ собственному сыну: онъ требовалъ, чтобы они серьезно приготовили себя быть полковыми царскими слугами.

(Продолженіе будетъ.)
